

БАЛЛАДА УСАМКАМ

Когда я вижу балерину, танцующую на кончиках пальцев, когда гляжу на влюбленную пару в саду, когда слышу голос своей дочурки на лестнице, когда слышу смех в кинозале, я знаю: все это ваша и наша победа над ними.

Когда склоняюсь над волнующей книгой, когда смотрю на мужчину, который, ошалея от счастья, выбегает из родильного дома и кричит: «Сын!», когда слышу голос поэта, когда вижу, как люди гуляют в лесу и поют, я знаю: все это и наш общая победа над ними.

Когда вижу светлые точки отбывающих пассажирского самолета в ночном небе, когда радио объявляет завтрашнюю программу на моем родном языке, когда слышу голоса чеховских героев в театре, когда наслаждаюсь пением невидимой птицы в лесу, когда поздним вечером иду домой и гляжу на гуляющих, я знаю: все это наша победа над ними.

Когда, бросив взгляд из окна, вижу малышей, бегущих впергонки, и рабочих, возвращающихся с мирной работы, когда смотрю на ярко освещенный паром с отдыхающими, что плывет в ночи по реке, когда на экране вижу, как Леонов гуляет по космосу, когда, крутя переключатель протектора, слушаю песни Москвы, Перми, Ленинграда, Белграда, я знаю: все это наша победа над ними.

Ваша, друзья, и наша победа, завершенная девятого мая сорок пятого года!

Когда теперь, 20 лет спустя после официальной даты победы, в какой-нибудь телевизионной передаче (а я видел несколько таких) появляется на экране Фюрер, он прежде всего удивляет своей опереточной жесткостью.

Гляжу на него... Обещал своим войскам, что наши жены и семьи будут у них рабынями.

Обещал своим войскам, что на наших полях будут зреть жито для них.

Обещал своим лешадам, что наши кони будут вить вьюги из легких грузов. Бедь если солдат Фюрера — сверхчеловек, значит, и кобыла Фюрера — сверхлошадь!

Удивительно, что ему верили. Ведь каждое его слово, каждый его жест — все было ложью.

Где, спрашивается, правый ус Фюрера, которым он грозил всему, что было справа от него? Где Фюрерский левый ус, которым он пугал все, что было слева от него? Где тот истерический, угрожающий голос, которым он страшил весь мир по радио, отравленному ненавистью?

Ничего этого нет больше!

И вот сегодня, когда все слова словотворческой годовщины победы над этими усами (над левым усом и над правым усом), и над тем го-

лосом, и над всем, что было связано с этими усами и с этим голосом, мы знаем, что эта победа — прежде всего победа рук, которые создали, над руками, которые разрушают. Победа сердец, которые любят, над сердцами, которые ненавидят!

Он учил немцев вешать человека равнодушно, как вешают пальто на крючок.

Обещал им многое. И ни одного своего обещания не выполнил.

Фюрер и его солдаты принесли нам миллионы разлук. Его воины пели: «Германия, Германия правьша всего». Советские воины пели: «Усикам о любви, просили их ждать солдата, ждать, пока он не вернется домой... Это была суровая война, а такие войны всегда проигрывают жестокие. Выигрывают их нежные!»

И поэтому я хочу выпить чашу по старому славянскому обычаю за тех нежных, которых нет сейчас среди нас. Потому что, когда мы поднимаем чашу за нежных, мы пьем ее против грубых, против немилосердных, против жестоких!

Вспомним миллионы разлук.

Вспомним тех, кто прокладывал путь к победе, но не успел пройти по нему до конца.

Когда теперь по воскресеньям я вижу колонны автомашин, везущих людей на прогулку, когда прохожу по аллее между двух рядов лип, когда гляжу на людей на пляже, радующихся воде и солнцу, когда смотрю телевизионную передачу из Москвы, когда слышу голос своей дочурки, бегущей по лестнице, я знаю: все это ваша и наша победа над ними.

Потому хочу выпить еще одну чашу — за ваших и наших нежных, за всех нежных на свете, а значит, против жестоких!

Поднимем же чашу за то, что больше нет Фюрерских усов — ни левых, ни правых! — и поманем долгий, страдный путь Советской Армии, партизан моей страны и всех тех, кто эти уски идиоты сбрил! Поднимем чашу за победу над теми усами и над всем тем, что было связано с ними. Чашу за нежных, за ваших и наших. Давайте мах, чашу против усов!

Когда пишу эти строки, когда дышу, когда вы дышите, когда мы дождемся возвращения своих малышей на школы, когда льется паром по спокойным водам реки, когда крутятся патефонные пластинки в предвечернем сумраке, когда к вам, ко мне, к нам приходят гости, я знаю:

Все это — наше Девятое мая, все это наша победа над ними!

г. Белград.

Перевел с сербохорватского Г. МАРКОВИЧ.

Капитан-лейтенант

Он капитаном-лейтенантом Ходил на наших корабле И был всегда немалым франтом И на воде и на земле. Любимо каждый пов отгажени, Нигде, ни в чем изысла нет, И китель так на нем приажен, Что все портные смотрят вслед.

Будь ты девушка, Будь ты хоть сам командант, Понесомo начеши любоваться: Капитан-лейтенант, Капитан-лейтенант По-морскому уме одеваться!

Ему всегда велаю на дружбу, Сердце имело он разное, Но море и морскую службу Всего сильнее он любил. Он занимался водным спортом И в цель по-снайперски стрелял, Умею ходить на яхте чертом, Как дьявол, плавал и нырял.

Даже в боксе он был И знаток и талант

И вазеда настоящим ударом. Капитан-лейтенант, Капитан-лейтенант

Моряком назывался вдаром. Война — проверка всех талантов, Геройской доблести комисс,

И капитану-лейтенанту В боях случалось быть не раз. Он трижды был в тылу фашистов, Десантом он руководил.

Метался враг, как зверь, неистов, С ума от ярости сохнул.

Но всему вопреки Шам вперде моржен

За своим боевым командиром. Капитан-лейтенант, Капитан-лейтенант

Задал трепку фашистским мундирам!

Он ранен был в плечо и в ногу. Но неизменно впереди

Он шел подтанто и строго, Как на параде он ходил.

И с чеством выполнял задания, Являлся отдавать рапорт.

Помнит, побит, как на санданье, От боли бел, но духом тверд.

И седой адмирал С теплотою сказав:

— Я рапортом изволон, признаюсь...

Капитан-лейтенант, Капитан-лейтенант,

Вы геройски умеете драться!

1942 г.

Поймал раз один наш боец немца в плен. Ну, немец сперва было удивился, потом видит, дело — капут, оружие кинул и ручки задрал.

Повел его наш боец к себе в чашу. Идут они, идут, и обом охота закурить. Немец гитарочку в зубы и нашему коробок сует, угощает: «На! Кури, русс!» А наш не берет у него и свертывает свою дымогарную, в два колена, толщину в полено.

Теперь вынул немец свою заграничную блинцжигалку. Трык! Загорелось... «На, русс, прикур!»

А наш боец от изнеженного немского огня отказывается, брезгует как бы вроде. Вынимает он походное свое кресало, огниво, пинур-фитил и пошел искру выколачивать: чирк, чирк! Ну, ладно, с одного-то разу редко что бывает. А немец уже насмешку строит, похвалается.

— Ну, где, — говорит, — тебе, русс, против нашей заграничной техники поспать! Гледи сам!

Русский огонек

(Солдатская сказка)

Боец наш огонек высек, запалил свою дымогарку да и говорит:

— А ну, немец, дай-на сюда поближе твою заграничную чиркалку. Крутань еще разок!

Солдат подносит к нему зажаталку свою, трых пальцем колесико — пожалуйста, битье горит! А боец как дунет на зажаталку, так сразу все и загасло. Немец трых, трых — не берет больше, кончилось дело: бегит весь вышеле.

— Ну, — говорит наш боец, — а теперь на-

ка, немец, попробуй мою заду! — И подносит ему фитилек свой.

Стал тут дуть — не тухнет русский фитилек. Немец кричат, тужится, пыжится, щеки накачал с арбуз целых! Чем больше дует, тем лучше огонь раздувает!

Тут боец наш ему и говорит:

— Эх вы! Все у вас скроено с виду на испуг, а дела-то на один фук! Поглядите, — так вроде огонь, а подул — одна вонь. Ну, а мы не сразу полыхнем, спеша неспешкой. По козли разогрелись, занялся наш русский огонек, — так уж тут дуть не дуй, только лучше распалишь. А чиркалки эти заграничные мы понощие вашего делить можем. Будь покоем! Только руки не доходит. Поди, вот упрямился с вами, не такие еще сообразим...

Немец, однако, попался характерный, упрямый. Дул, дул... Да так с пернатуги и лопнул!

1944 г.

Лев КАССИЛЬ